

Цзимо Хуань безмолвно смотрел вслед юноше. Тот ступал шаг за шагом, сохраняя ровную осанку, но в глубине глаз Регента внезапно промелькнула острая боль. Его левая рука скользнула за пазуху, и на ладони покоилось кристально чистое, молочно-белое нефритовое украшение.

— Цинцин...

Сколько печали, сколько любви и ненависти сплелось в одном имени! Если бы всё это было так легко распутать, остался бы человек человеком? Тонкие губы Цзимо Хуаня нежно коснулись гладкой поверхности нефрита, на котором были вырезаны два переплетенных в танце среди облаков пятипалых дракона.

— Выясни всё, что произошло с ним сегодня ночью. И передай Ван-фее: пусть не болтает лишнего.

Минутная слабость прошла, и глаза Цзимо Хуаня вновь заволокла костяная стужа. В его устах жена и сын не вызывали ровным счетом никаких чувств.

Когда Цзимо Ци вышел из комнаты, скорбь на его лице сменилась глубокой насмешкой. Он шел по саду неспешной, вальяжной походкой, словно прогуливался для собственного удовольствия.

— Ваше Высочество, не желаете навестить Ван-фею?

Мо Янь, подоспевший на шум, осторожно задал вопрос. Его миловидное личико выражало лишь подобострастие.

Цзимо Ци даже не сбавил шага:

— Видеть друг друга — лишь множить взаимную ненависть. Зачем же?

Все волнения, что терзали его в кабинете перед Цзимо Хуанем, развеялись без следа. Мо Янь опустил голову, не смея продолжать разговор, и сделал вид, будто вовсе ничего не слышал.

Вскоре они добрались до покоев. Цзимо Ци без сил рухнул на кровать. Тело все еще ныло от слабости. Он смотрел в потолок, на искусно вырезанных драконов и фениксов, на огромные жемчужины по углам кроватных столбов, на драгоценные камни, инкрустированные в полог, и в его взгляде читалась растерянность.

— Наследный княжич, вас ведь только вечером наказал Ван, вы даже раны не обработали, сразу ушли гулять... А теперь еще и на лбу...

Голос Мо Яня дрожал от тревоги. Он держал в руках лекарства и бинты, его круглое личико сморщилось, словно сдобный пирожок, и в этом было что-то до боли знакомое.

— Пустяки, я давно привык.

Голос звучал безжизненно, в глазах Цзимо Ци не было ни ряби, ни тени эмоций. Под пристальным, полным сочувствия взглядом слуги, он вдруг, повинуясь какому-то наитию, подцепил его за подбородок:

— Мо Янь, улыбнись-ка.

Эта фраза прозвучала как приказ пристава, домогающегося честной женщины. Мо Янь инстинктивно покачал головой, но под холодным, одержимым взглядом собеседника его пробрала дрожь.

— Хе-хе... ха-ха...

Его круглое, пухлое личико, нежная кожа, большие глаза... нет, всё не то. Совсем не то.

В глазах Цзимо Ци вспыхнуло отвращение:

— Улыбнись еще раз!

— Хе-хе...

Мо Янь изо всех сил растянул губы в улыбке, но в глубине его глаз затаились страх и смятение. Это было совсем не то беззаботное сияние, которое хотел увидеть хозяин.

Дзынь! Хлоп!

Бутылочки и склянки полетели на пол. Лицо Цзимо Ци стало мрачным, как перед бурей:

— Вон отсюда!

Грубый, хриплый голос лишился всякой красоты. Мо Янь вздрогнул, не смея даже собрать осколки, и, спотыкаясь, бросился вон.

— Постой!

Мрачный взгляд Цзимо Ци вонзился в слугу:

— Я не хочу, чтобы о сегодняшней ночи пополз хоть один слух!

— Да, да, конечно!

Мо Янь поспешно откланялся, словно эхо. Видимо, то минутное сходство было лишь иллюзией. Цзимо Ци поднялся с постели и прошел во внутренние покои, в кабинет. Его тонкие пальцы долго блуждали по полкам.

Наконец он извлек тонкую синюю тетрадь без названия на обложке. Кусая губы, Цзимо Ци вертел её в руках, словно она была раскаленной, и чувствовал себя крайне неловко.

Под водой — та теплая рука; над водой — нестерпимый жар; странное онемение, дискомфорт внизу живота, смешанные чувства тревоги и предвкушения, странные взгляды и поступки Цзюнь Тяньяо... Всё это сплеталось в его сознании в невидимый крючок, вынуждая сделать выбор.

Сжав губы, он впился взглядом в открытую тетрадь. Нефритово-белое лицо начало медленно алеть, начиная с самых кончиков ушей.

В лунном свете полуобнаженный юноша лежал, сведя ноги вместе. Его рука двигалась по нежному естеству, глаза были плотно закрыты, а лоб покрылся испариной, пропитавшей постель.

— М-м... а-а...

Мало, недостаточно. Тело словно вот-вот взорвется от жара, пустота заполняет всё естество. Чем сильнее он сжимал зубы, тем невыносимее становилось желание. Наконец, приоткрыв губы, он позволил стону сорваться наружу.

— А-а!

Цзимо Ци ускорился. В голове невольно возник образ той нежной маленькой руки и той приторно-сладкой улыбки. Внезапно мощный электрический разряд пронзил всё тело, он резко дернулся, выгнувшись дугой, и белая мутная капля брызнула на его крепкий живот, оставляя причудливый след.

— Ха... ха...

В горле Цзимо Ци заклокотало звериное дыхание. Он распахнул глаза и растерянно уставился на белое пятно на своей ладони.

Шел восемьдесят пятый год Династии Тяньюй. Род Мужун правил уже в третьем поколении. Нынешний император, Шэн-дэ, Мужун Цзыцин, обожал музыку, шахматы, каллиграфию и живопись, предавался любовным утехам и совсем не интересовался государственными делами. К счастью, он опирался на верных сановников, оставленных в наследство предыдущим императором, благодаря чему в стране царили мир и процветание. Среди них величайшим уважением пользовался Регент Цзимо Хуань.

Благодаря мудрому правлению Регента, столица процветала, как никогда прежде. Улицы и переулки были полны радостных возгласов, но сегодня самым многолюдным местом в Пекине стал Павильон Цихуун — первый столичный публичный дом.

<http://bllate.org/book/21941/2279448>